

Автора сей бездарно написанной эпопеи можно смело назвать словом, вынесенным в название главы. Но из Калинова в Барнаул ехал ещё один графоман - мультяшный суслик по имени Шнурок, который был обделён "пятнышком власти", но в то же время обладал поэтическим даром, хоть и не умел им толком пользоваться, в итоге тратя его на всякую чушь вроде стихотворения "В Неаполе", которое состояло почти исключительно из ненормативной лексики или следующей нетленки:

Я на толчке, словно на троне расселся,
Словно король королей,
В час, когда добежал до заветной двери...

Или, пастор Наживка упаси:

Осёл стоял в траве густой,
И мухи на него садились
Он шлёпал их хвостом порой
И мухи, как одна свалились.
Но налетали мухи вновь,
Жужжаньем все надоедая,
Пока Осёл не закричал:

-ИА!!! ПОШЛИ ВЫ! ЗАДОЛБАЛИ!

Как хорошо, что вся эта гадость, аккуратным почерком занесённая в тетрадь, сгорела во время обряда воскрешения вместе с написанным в состоянии глубокой меланхолии романом-антиутопией "Больной мир". Хоть в чём-то этому несчастному анимационному кадавру-сурику, над которым Фортуна издевалась нещадно с пелёнок, повезло: ему больше не будет стыдно за старое стихоплётство. Но Шнурок взялся за старое и завёл новую тетрадь, чтобы и дальше отравлять своей поэзией мироздание.

Тем временем, остановившись по дороге для того, чтобы пёсик Алеко не изгадил весь салон минивэна - уж очень никому не хотелось отмывать кожаные кресла, стремительный "Кэррот" приехал в Омск. Они остановились возле забегаловки, чтобы перекусить, выспаться перед отправкой дальше и хорошенько отдохнуть - путешествие их вновь утомило. До Барнаула, столицы мира, оставалось уже совсем недолго. Если по пути не возникнет никаких злоключений, то они очень быстро закончат своё интереснейшее путешествие к дяде Егору. А чтобы было веселее, было решено махнуть пивка для рывка. Сказано-сделано: пиво было выпито, и занялся разговор. От пива Карим предложил перейти к хорошему стопарику водки и закусить огурцом, но Лаэрта его убедила не рисковать - пьянка в салоне минивэна может плохо закончиться, знаете ли?

-И немедленно выпил. - начал Шнурок.

-Мне кажется, или это уже где-то было? - подметил это дело Барсик.

-Ах, точно. В книге "Москва-Петушки" Венедикта Ерофеева. Но я выдумал свой стих, который начинается с этой фразы. Рассказать?

-Давай, расскажи.

Шнурок, которому дали карт-бланш на любые действия в отношении ушек слушателей, да даже на чтение двенадцати частей саги "Бульканье в ванне", начал декларировать свою поэзию:

И немедленно выпил,

И немедленно выпил,

И сказал "Пьём до дна мы!"

Под лучами утра

В Барнаул уезжаем

Мы с калиновских видов,

Как когда-то пьянчуга

Из Москвы - в Петушки!

"Дух Женева", конечно -

Алхимический дар,

Но ужасен безумно

От него перегар.

Так что "Дух Барнаула"

Предстоит нам создать

Чтобы свежесть алтайских вершин

Нам с тобой выпивать.

Комсомолка всё плачет

Знаменитой слезой

Пекло небес обернётся

Слепящей грозой

А у Машки - Алеко,

Этот сучий потрох...

Как выходит с девчонкой - всё гадит

На мох.

Линденбаум, наш Барсик, с фамилией странной

Ханааном грезит в час полночный

"Эх, узреть бы Израиль..."

Думает он. Изгнанье монстру терпеть нет уж мочи.

Но Барнаул - хоть и не свят,

Но для нас этот край счастьем чистым богат.

Хорошо там, наверное, жить

Ханаанский бальзам, может быть,

Друга прекрасно взбодрит.

Поцелуй тёти Клавы - гадость сплошная,

Только фикус вянет от мысли,

Но когда ты Егора, дядю Машутки увидишь,

Обретёшь мигом ты смысл единственной жизни.

Может, бессмертен я, как Шнурок -

Невезенье ж меня не покинет!

Но старуха с косой совершит кувырок

Может, завтра над вами, а может - и ныне.

И немедленно выпил,

И немедленно выпил,

И сказал "За здоровье!"

Под игрою зари

В Барнаул уезжаем
Мы с поволжского берега
Как когда-то пьянчуга
Из Москвы - в Петушки!

Мы Аркадию ищем,
Где пристанище нищим,
Изобилье голодным
И приют одиноким
Где веселье повсюду,
Беспроцентные ссуды
И конфет сладких груды
И другие причуды.

Ничего нет на свете прекрасней,
Как на ус не мотай, анимкад.
Барнаул - это город ведь классный,
Я причалить сюда очень рад

Шпатель, надави-ка на газ ты!
Ну не дуйся, касатка моя.
Поприветствуем выхлопом гулким
Мы начало нового дня.

Словно Венечка, начав часть волюма
Меткой фразой той, что "немедленно выпил"
Мне хотелось бы грязно ругнуться,
Так, чтоб шерсть поднялась дыбом
У Лаэрти... Ей в "телек" очи лишь пялить!
Матерщины хотелось бы вставить,

Матерщины бы русской, родной

А не всякие "щиты" да "факи"

Засоря славянский наш дух... Ну стой!

Надоели слова те до сраки.

Будто наших нет слов для того.

И немедленно выпил,

И немедленно выпил,

И сказал "За здоровье!"

Под игрою зари

В Барнаул приезжаем

Мы, покинув Калинов

Как когда-то пьянчуга

Из Москвы - в Петушки!

Пусть тогда не приехал

Веня наш расчудесный,

Но ошибку мы видим

Не допустим ведь мы.

Омск покинем мы скоро,

Эх, достигнем мы града былинного

Мы, простая компашка -

В Барнаул - из Калинова!

-Дальше следует полторы страницы чистейшего мата, что во всём этом замечательном стихотворении нет ни единого цензурного слова. Так что я не буду продолжать. - сказал Шнурок.

Вся компания, сидевшая в минивэне, захлопала в ладоши. Все, кроме Лаэртты, которая сильно надулась. Шнурочек, чтобы её успокоить, начал новое стихотворение:

Эх, Лаэрта, не обижайся.

Не хотел я тебя оскорбить.

Просто рифмы иной не нашёл я.

А без рифмы поэту как жить?

Белый стих-то мне неподвластен,

А гомеровский стиль сурикату совсем тягомотен,

Может, Симпсон смешон и прекрасен,

В этом сонме жирных уродин.

Но не ты. Ты - красивая дама, и

Шерсть перламутром морским отлиывает

И сезамки пушистой такой

Мир невзрачный совсем уж не знает!

-Ах, какие красивые стихи! - сказала Лаэрта. - Может, про Зо-зо что-нибудь сочинишь?

-Ну наконец-то! Ты хоть что-то стоящее написал. - произнёс Барсик.

-Хороший слог. - подметила Машка-промакашка.

-Кхе-кхе. - интеллигентно откашлялся Шнурок и продолжил свои упражнения в поэзии:

Вот Зо-зо.

Телевизор из тела торчит

Не на пузе, как у По или Ляли

А на жопе, но девка молчит.

Услышав ехидную эпиграмму в адрес Зо-зо, Лаэрта рассмеялась во весь голос. Даже Зо-зо захохотала.

А своё выступление Шнурок закончил ещё одним четверостишием:

Пойду, смахну рукою дорожную пыль.

Навстречу сонму мещанских рыл

Я прогуляться отправлюсь по улицам

Солнце нас жарит, аж тянет зажмуриться...

-Браво! - сказал Карим.

-Ого!

-Красиво. - сказала Маша.

-Ага-ага.

-Пойду пока на свежем воздухе постою. Авось вдохновение для новых стихов придёт. - сказал Шнурок.

Шнурок сделал неосторожный шажочек и споткнулся о край минивэна...

<http://tl.rulate.ru/book/66622/1822289>